

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ УРБАНИЗМА

Т. В. Фаненштиль

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова,
г. Барнаул, Россия

В работе исследованы особенности взаимодействия социальной реальности и субъекта на повседневном уровне в рамках социально-философского анализа. Тема рассматривается в контексте проблемы урбанизма. Осмысление повседневности строится на рассмотрении динамики повседневных взаимоотношений социальной реальности и субъекта в пространстве города, на рассмотрении проблем восприятия повседневного субъекта, проблем репрезентации его телесности, проблем креативности повседневного опыта и его производства.

Ключевые слова: повседневность, урбанизм, социальная реальность, субъект, пограничный характер повседневности.

DAILY ROUTINE IN TERMS OF THE URBANISM PROBLEM

T. V. Fanenshtil

Polzunov Altai State Technical University, Barnaul, Russia

In this work author research character of subject and social reality cooperation on daily plane under socio-philosophical analysis. The topic discussed in the context of urbanism problems. Daily routine consider through the understanding of the dynamics of the daily relations between social reality and the subject in the space of the city, also through the subject's everyday perception problems, through the subject physicality representation problems, and the problems of daily experience and creativity of its production.

Keywords: daily routine, urbanism, daily, social reality, subject, frontier character of daily.

В данной статье осуществляется социально-философский анализ повседневности в контексте проблемы урбанизма. Проблема урбанизма становится сегодня актуальной как никогда ранее в связи с ростом роли городов и ростом доли городского населения в общей численности населения планеты. О.Ф. Филимонова указывает на урбанизм как на «...Прежде всего, способ жизни городского населения западного мира» [9, С. 172], подразумевающий в своей модели сегодня «...новый тип организации пространства и времени, людей и вещей» [9, С. 172]. Сегодня он выражает всеобщность, выступая в социальных взаимоотношениях как структура социальной реальности.

Осознавая банальность повседневности, ее непосредственность, процессуальность, рациональную неуловимость, исследователи не умаляют этим ее статус в городских процессах. «Ежедневную жизнь», «обыденность» они отождествляют с имманентной жизненной силой, все и вся пронизывающей, подразумевают «единственное и безграничное время-пространство для жизни», - пишут Э. Амин и Н. Трифт [1].

М. де Серто [7] называет повседневность «банальностью, утвердившейся в нашем присутствии», грамматикой каждодневных действий (о чем подробно пишет И. Гоффман [3]). Владея этой грамматикой, города становятся подручными, управляемыми, готовыми к использованию. Не говоря о политиках, скажем, что это, несомненно, важно для любого дизайнера.

При всем указанном, скажем, что в данной работе повседневность рассматривается как уровень взаимодействия социальной

реальности и субъекта (это объясняется тем, что проблематика повседневности является системообразующей для данной работы и требует целостности изучения).

На стыке противостояния вещи и пространства рождается проблема городской повседневности, куда, конечно, заведомо включается противостояние времени и пространства, проблема глубины пространства, проблема одиночества, заброшенности, маршрутизации городского пространства, а вместе с этим его управляемости. Для современных культурологических и социологических исследований характерно противопоставление контрастов города поведению субъекта (что вполне соотносится со все возрастающей ролью городов) как демонстрация работы уровня повседневности, его изменений, его сущности. Прежде, когда урбанизация еще позволяла, ритмы города захватывали человека своим пространством вне дома, то есть на его улицах, площадях, площадках, местах встреч, в общественных, деловых и иных помещениях. На пороге дома они оставляли субъекта в покое, скрытости, интимности. В указанном случае показательно структурное разделение Ж. Бодрийаром [2] социального взаимодействия субъекта с общественным миром на зоны: частную и общественную, где автомобиль выступает аналогом дома и при этом обладает мобильностью, возможностью нарушать архаику и неприкосновенность частного пространства, за счет чего частное выносится в общественное. Границы разделения еще соблюдены для культурной среды.

Мы можем отвлечься от непосредственной и по сути единственной задачи повседневного опыта – выживания, и посмотреть к каким социальным смысловым наслоениям приводит стремление ее выполнить, а также попытаться осознать те дополнительные смыслы и смысловые акценты, которые часто могут стать неосознаваемым и потому неизбежным симулированием задачи выживания. Образно это можно описать как ситуацию «стояние в Рубиконе» – комфортная зона дискомфорта, откуда можно совершать короткие разведывательные, захватнические вылазки на чужую территорию деятельности цивилизации и возврат в гнездо, берлогу, дом с целью вернуться и замереть, уже более не производя шевелений, или же оптимально – производя ровно столько шевелений, чтобы выжить.

Подобные образы можно назвать сегодня устаревшими, они теряют свою актуальность. Как, например, в советский период

поощрялось и культивировалось все, что отдаляло субъекта от повседневного существования (равно как от политики): иностранные языки, восточная философия, средневековая поэзия, научная фантастика, туристические походы и т.д. Как и чуждая западная культура – этот иллюзорный мир играл роль смотровой площадки самовосприятия. Повседневность означалась как нечто примитивное, недостойное, по сути тем, чем и является – низовой культурой жизни человека, зацикленной на материальном. Быт, материальная культура не являются как таковые предметом философского исследования повседневности.

Сегодня городская повседневность идет дальше, она буквально переступает порог домашнего очага, врывается в гостиные, столовые, детские, кухни и добирается до спален, ванных и туалетных комнат.

Подобные тенденции все чаще позволяют рассматривать повседневность в контексте проблемы урбанизма. Ряд исследователей связывают саму постановку проблематики повседневности исключительно с городом.

Таким образом, рассмотрение повседневности в рамках урбанизма строится на осмыслении динамики повседневных взаимоотношений социальной реальности и субъекта в пространстве города, на осмыслении проблем восприятия повседневного субъекта, проблем репрезентации его телесности, проблем креативности повседневного опыта и его производства.

Приближаясь к «повседневности» на уровне динамики каждого дня, на уровне каждого субъекта И. Гоффман [3] предлагает использовать понятие такого микроуровня как «кадр социальной ситуации», или как он его называет – фрейм (успешно использует лингвистический термин). По умолчанию фрейм принимается за элементарную структуру повседневного опыта, в ходе исследования он обнаруживает наслоения первичной и последующих систем прочтения, в рамках первичной системы обнаруживаются природный и социальный элементы. Фрейм выявляет многоканальность любой социальной ситуации, в том числе и повседневной. И право выбора того или иного канала внутри ситуации, право выбора: выходить или нет из существующей ситуации, и право выбора: каким образом читать происходящее здесь и сейчас – Гоффман оставляет за субъектом социального взаимодействия. Микроуровень, демонстрируемый исследованием И. Гоффмана [3], возрождает динамику со-

циальной ситуации, производство «повседневного опыта» и повседневная креативность вручается конкретному субъекту.

Так или иначе, положение субъекта сегодня зыбко и ненадежно. Это ярко иллюстрируют полотна П.Н. Филонова, где социальные городские жилы – единственный путь человека, он, конечно, выбирает, но из предложенного, не в силу свободы, а в силу необходимости обеспечивать постоянное движение, что часто называется смекалкой. В проблеме урбанизма актуальна тема границ и возможностей использования субъектом городского пространства. Имеет большое значение, какие возможности для той самой смекалки оно дает в современном градоустройстве при планировании и реализации. Здесь, конечно, в силу вступают противоречия зарубежного опыта и российской действительности. Если речь идет о провинциальных городах, то для российской глубинки характерно лоббирование динамики повседневных отношений «сверху». Для западных тенденций, особенно, в мегаполисах, себя проявляют некие новаторство и креативность со стороны повседневного субъекта, что создает динамику структур социальной реальности и меняет сам город.

И если вернуться к теоретическим перспективам динамизации повседневного опыта со стороны субъекта, то свобода его выбора, сам выбор субъекта, а также его восприятие остаются почти беспроблемными, аксиоматически безликими в условиях города.

Знание социальных алгоритмов, по которым строится тот или иной фрейм, предусматривается системой релевантностей или «знанием рецептов», которые субъект получает в социализирующей его «мы-группе» (социологическая феноменология А. Шюца). Действие внутри ситуации – выбор в рамках известного. Нарушение – вывод субъекта на границу фрейма, микроситуации и принятие решения на уровне алгоритма существования этой ситуации. Возможности выхода этих решений за границы личного опыта, подразумевается, должны обеспечиваться социальными структурами и институтами. В условиях провинциального российского городского планирования это становится вопросом риторическим, вовсе не дискуссионным.

Простота и онтологическая значимость «повседневности» в существовании конкретного субъекта не дает возможности покинуть эту границу между центром, глубинными слоями личности субъекта и социальным миром. Это замыкает динамичность повседневной границы на саму себя. Движение

- постоянное подтверждение того, что субъект существует за счет воспроизведения простейших действий и участия в первичных социальных ситуациях, а также возникающее сомнение при нарушении ожидаемого алгоритма социальной ситуации, смена рецептов происходит в рамках повседневного опыта. Эта пограничная оболочка повседневности, с которой взаимно друг для друга начинаются субъект и социальная реальность, часто является единственным, что отделяет субъект и социальный мир, и связывает их друг с другом.

М. Мерло-Понти [6] указывает на опасность потери первичного природного прочтения субъектной телесности при переходе на микроуровень социального исследования повседневных практик. Это связано с потерей природного феноменологического тела субъекта, что в свою очередь объясняется смещением акцента восприятия самого субъекта в сторону социальности. Это аргументируется положением Другого в восприятии субъектом самого себя: «Очевидность другого оказывается возможной, поскольку я не являюсь прозрачным для себя самого, поскольку моя субъективность не расстается со своим телом» [6, С. 450]. Однако субъективность Другого также привязана к физикалистскому фрейму, что подчеркивает текущий характер самопрезентации субъекта в мир и его самовосприятия: «В действительности другой не заключен в моей перспективе, поскольку сама эта перспектива не имеет определенных границ, поскольку она пересекается перспективой другого поскольку обе они сходятся вместе в одном и том же мире, в котором все мы принимаем участие как анонимные субъекты восприятия» [6, С. 451]. Это не только проблематизирует положение субъекта в процессе взаимодействия с социальной реальностью, но и усложняет философское и научное восприятие повседневности, по той причине, что происходит она от первого лица.

Опыт, порождаемый восприятием, дает субъекту социальную возможность читать происходящее определенным образом. При нарушении такого рецепта, его потере, в том случае, когда он «вдруг» перестает работать – восприятие происходящего как реального также исчезает. Это приводит к новой подмене рецепта, к изменению существующего рецепта. В таком случае, повседневность – это реальность, существующая в восприятии субъекта, и характеризующаяся его личным набором алгоритмов, полученных в процессе социализации (как индивидуальной, так и

исторической), направленных на поведение в социальной ситуации и прямо связанных с репрезентацией его телесности. Также (можно сказать, что одновременно) повседневность представляет собой процесс означивания совокупности пространственных и временных характеристик наличного бытия субъекта. Цель этого процесса – сделать происходящее вокруг воспринимаемым как реальное. Здравый смысл в повседневности должен быть основанием, способом доказательства реализма происходящего вокруг. Любое переключение до всякого разоблачения здравый смысл трактует как естественное и ненарушенное. Элементы здравого смысла находятся за пределами истины и лжи высказываний, являются граничным условием существования ситуации и концепта. Обратно противоречиво и нелепо. Стремление науки к объективности такого мышления, преграждает возможность усмотреть самого субъекта в отношениях с социальной реальностью. Восприятие субъекта презентует его и как воспринимающего естественное и социальное, так и делающего естественное и социальное таковыми.

Повседневность – это недискурсивное пространство, где варятся дискурсивные пространства политики, литературы, визуализации, истории. В поле повседневного взаимодействия в пространстве города не получится попытка анализировать язык повседневности как способ говорения о городе. Повседневность – поле отсутствующего дискурса. Здесь слово – это действие, а не слово о действии или слово как порождающее действие.

Природное прочтение реальности происходящего становится недостаточным, да и недостижимым в динамике социальной реальности, тем более в динамике города.

Именно поэтому исследование повседневности необходимо должно подразумевать нечто таящееся и гораздо большее по смыслу, чем те определители повседневных практик, как то: восприятие субъекта, тело субъекта, Другой. Расщепление субъекта на такие определители грозит утратой самого субъекта.

Одним из источников повседневной репрезентации субъекта является не его телесность, не общественный мир, а микроскопические действия самого процесса жизни, соединяющие все это воедино. Настоящей областью исследования философии повседневности становится пограничная непосредственность жизни, сталкивающая «человеческое – нечеловеческое», «феноменальное –

эпифеноменальное», эмоции и действия, недвижимое и текучее. Есть теория выживания, есть практика выживания, каждый субъект действует самостоятельно от своего лица и каждый день соединяет эти сферы, делает он это совершенно безыскусно.

Задача выживания отдельного субъекта в сравнении с футуристичными прогрессивными планами человечества значительно умаляет научные и философские претензии повседневности на предметную самостоятельность. Хотя встречается в исследованиях данной проблематики оптимизм завышенных ожиданий и перспектив, тесно связанный с переоцененным потенциалом и направленностью креативности данного вида социальных взаимодействий. «Нашедший опору в дологическом единстве телесной организации перцептивный синтез не владеет тайной объекта, как и не знает тайны собственного тела, и именно поэтому воспринимаемый объект всегда выглядит как трансцендентальный, именно поэтому кажется, что синтез происходит в самом объекте, в мире, а не в той метафизической точке, каковой является мыслящий субъект, и именно в этом перцептивный синтез отличается от синтеза, полученного с помощью мышления» [6; С. 299]. Бытие человека как единство человека и мира, выражающееся телесно, есть бытие досубъективного восприятия – третье измерение. Мы могли бы согласиться, что данное бытие – это именно третье измерение. Но не потому, что первым и вторым мы считаем телесность, затем сознание. А по той причине, что человек живет в самообмане вторичной удвоенной собственным мышлением реальности. Городская среда успешно позиционирует себя как таковая.

Так называемая досубъектная реальность, с которой слито тело человека не предполагает его самосознания, названия себя как Я, а, следовательно, отчуждение и отстранение от нее можно назвать естественной средой обитания, природой. И это, во-первых. Вторичная реальность – это та, которая является результатом осознания, осмысления, даже восприятия, но она есть источник отделения человека от природы, его отчуждения. Третье же измерение реальности – это так называемая осознанная глубина, о которой пишет М. Мерло-Понти [6], это якобы целостное: и телесно, и осознанно – существование человека во втором измерении с установкой его первичности по отношению к основе существования человека. Сегодня это вторичное удвоенное изме-

рение – это природа, это естественная среда обитания. Осознанная телесность, являющаяся первичным фундаментом нашего существования в социальной реальности – это третье измерение нашего бытия. Не по историческому счету, а по степени усложнения. Неприемлемо в данной ситуации забыть, что подобное структурирование – рефлексивная модель повседневного опыта и повседневного бытия субъекта.

Для того чтобы тело было объектом по отношению к самому себе, а не частью субъекта, необходим акцент на сознании и отчужденности тела внутри самого себя, что, например, предполагается Э. Гуссерлем [4] (М. Мерло-Понти отрицает возможность этого). Э. Гуссерль рассматривает тело как нулевой объект, аргументируя это тем, что тело опосредует все отношения человеческого субъекта к другим вещам.

При этом, Э. Гуссерль рассматривает самоотчужденность тела внутри себя как одну из ступеней редукции, что уже предполагает абстрагирование. Актуально протекающее переживание Э. Гуссерль называет первичной оригинальностью, переживание в воспоминании – вторичной, и переживание *alterego* – третичная оригинальность. В трансцендентальном анализе категории «Я» и «Другой» мыслятся не как данности, а как заданности, то есть нечто необходимое для осуществления, но еще не существующее в окончательном виде, состоянии. Я и Другой понимаются как субъективность, конститутивные моменты целостного феномена человека, как аналоги историчности и конечности. Динамика тела города, виртуальные потоки в городском пространстве – вот то, что сегодня заменяет нам третичный умолчательный реализм повседневности.

Влияние потребления на социальное положение (нормы, ценности, действия) человека в связи с эпохой потребления определяется как антипроизводственное. Это неоднократно подчеркивается исследователями. Так О.Л. Сытых тенденции эпохи потребления как отодвигающей производство на второй план рассматривает в качестве одной из основ социальных изменений [8]. Наряду с этим, мы замечаем в современной среде молодежи тенденции, обозначенные в исследовании М. де Серто [7] и его учеников, касающиеся возрождения производства, правда, на уровне примитивном – на уровне повседневных практик. Проявляется это как использование вещей в получении повседневного опыта, стилем бытия повседневного субъекта становится подручность (или

смекалка, о которой мы говорили ранее). В условиях французской городской среды 80-х М. де Серто схватывает тенденции динамики социальных взаимодействий субъекта со структурами социальной реальности по направлению снизу вверх. Для российской действительности это нонсенсное явление.

В рамках социально-философского анализа повседневности российского города, называя динамику – ключевой характеристикой присущих городу социальных взаимоотношений, исследователи выходят на тему креативности в повседневности, но ведут речь о креативности как возможностях спускаемых сверху. Как это пишет С.С. Касаткина – креативность – это «...спасительное средство, действующее на благо возрождения экономики, стабильности в политике и социальной сфере» [5, С. 64]. На западный манер, креативность поднимает структуры города, однако периферия российских городов не в силах это сделать и более нуждается во влиянии структур социальной реальности в формировании даже повседневных отношений. Городское пространство неравновесно, но все же, объединяет принципы публичного и личного пространства.

Являя собой целостный уровень реальности в восприятии человека, повседневность связана с социальным знанием алгоритмов микроситуаций. В условиях проблемы урбанизма в отечественном контексте это объясняет динамичность производства повседневного опыта. Также повседневность обнаруживается на стыке существования субъекта и социальной реальности, выступает способом их взаимодействия и в то же время пограничной оболочкой. Она связана с восприятием субъекта, с его включенностью в происходящее, с запросами и ожиданиями субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амин Э. Внятность повседневного города / Э. Амин, Н. Трифт // Логос. – 2002. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/amin.html>.
2. Бодрийар Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1995. – 224 с.
3. Гоффман И. Анализ фреймов: (Эссе об организации повседневного опыта). – М.: Институт социологии РАН Институт фонда «Общественное мнение», 2003. – 753 с.
4. Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В.А. Куренной. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 464 с.
5. Касаткина С.С. Повседневность российских городов: символы и смыслы // Исторические, философские, политические и юридические науки,

культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 1. – Ч. 1. – С. 63–65.

6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента, Наука, 1999. – 609 с.

7. Серто, де М. Изобретение повседневности 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 330 с.

8. Сытых О.Л. Человек в контексте становления новых социальных отношений // Гуманитарный вектор. – Серия: Философия. Культурология. – 2016. – Т. 11. – № 2. – С. 17–22.

9. Филимонова О.Ф. Урбанизм и космополитизм: социально-философский угол зрения // Известия Саратовского университета. – Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 16. – Вып. 2. – С. 170–175.

Фаненштиль Татьяна Владимировна –
старший преподаватель

*Алтайский государственный технический
университет имени И.И. Ползунова, г. Бар-
наул, Россия*